

Вчерашний день

Такое чувство, что сейчас случится что-то необыкновенное

Даша САВЕЛЬЕВА

Училась на филологическом факультете Магнитогорского государственного университета, совмещая учебу с работой журналистом МГТРК. Занималась в литературном объединении университета. Имеет ряд прозаических и поэтических публикаций в городской печати. Сейчас Дарья работает журналистом на челябинском государственном предприятии «Областное телевидение».

Дождь

На дворе стояла осень. Никите недавно исполнилось двенадцать лет. Жил он в одной из тысячи безликих многоэтажек, опутанных каменной паутиной пыльного асфальта. Родители много работали и зачастую даже забывали спросить, как у него дела в школе. Но он не обижался и, чтобы не скучать, в любую погоду навещал своего любимого старого друга — на углу улиц Толстого и Каменщиков ютился заброшенный парк.

В один из тех золотистых дней, когда кажется, будто на миг вернулось лето, Никита по привычке пробирался сквозь ошестившиеся кусты сирени к своему укромному уголку — поваленному стволу дерева. И вдруг ощутил в дуновении ветра что-то необычное. Сделав пару шагов, увидел ее — на облюбованном им месте сидела девушка. Подобравшись поближе, он заметил, что она нервно теребит в руках ветку клена — видимо, ждала кого-то. Раздосадованный неожиданно нарушенным уединением, мальчик повернул домой.

Так продолжалось неделю. Только теперь он уже не сбегал сердито, как в первый раз, а подолгу стоял в отдалении, рассматривая ее отливающие медью волосы, краешек платья, видневшегося из-под клетчатого пальто, сцепленные упрямо пальцы. Ожидая, когда ей надоест ждать, и она уйдет. Но девушка терпеливо сидела на потрескавшемся стволе и все взглядывалась куда-то вдаль... Он всегда уходил раньше. А сегодня Никита едва застал ее — вдалеке уже затихали ее торопливые каблучки. Неожиданно он почувствовал себя таким одиноким, что чуть не расплакался от злости: как она могла так поступить с ним?

Вновь наступивший день стал для него настоящим испытанием: время густыми каплями сочилось в нахмуренные окна, и он не находил себе места, кружа по пустой квартире. Казалось, вечер уже никогда не наступит. Но вот большая стрелка лениво переползла еще на час, и он уже мчался к своему верному другу, захлебываясь тайной надеждой: а может, придет? Она уже была там — сидела под прозрачным голубым зонтом и что-то напевала.

В ответ на его робкое: «Привет» — зазвенел, отражаясь от каждой клеточки его тела, удивленный колокольчик ее голоса: «Здравствуй! Ну что ты стоишь под дождем, прячься скорей под мой зонт!» Когда он присел рядом, она заговорила так, будто они были знакомы уже тысячу лет.

— Знаешь, я очень люблю дождь.
«Разве можно любить погоду — ведь это не мама и не папа, которых я могу обнять, с которыми можно поговорить», — думал он.

— Дождь может быть сердитым и ласковым, нежным и колючим. Он может поведать множество тайн, а иногда и выслушать тебя. Он может заставить себя любить или ненавидеть, — словно прочитала она его мысли и вдруг вернулась к нему.

Окунаясь в ее глаза, Никита увидел, как в их ореховой глубине дрожат крохотные черные капельки. «Как чайки на дне стакана», — невпопад подумал он. Девушка все говорила ему про то, как она попала в его укромный уголок, смеялась и снова что-то говорила, а он наблюдал, как о прозрачную поверхность ее зонта дождь разбивается, дробится на миллионы сверкающих осколков, которые снова неумолимо собираются в тоненькие, отливающие голубым ручейки. Потом она вдруг за-

молчала. И следя за ее враз погрузившимся взглядом, он почувствовал, как просачивается в него эта непонятная для него грусть, оседая в душе просыпая-тоскливой нежностью.

— Слушай, а давай погуляем под дождем! — в ее словах была почти мольба.

— Ну, конечно, пойдём скорей!

И вот в его руке ее холодная ладошка, и они бегут, как два расшалившихся ребенка, по блестящей ленте улицы. Она отпускает зонтик, и он летит вырвавшимся на свободу бумажным змеем прямо в ватную глушь осеннего неба, а они, заливаясь бездумным смехом, бегут все дальше...

И только редкие прохожие, выглядывая из-под козырьков серых зонтов, замечали маленького мальчика. Недоуменно пожав плечами, они, сторбившись, спешили дальше по своим скучным делам. И непонятно было им, почему он бежит один под проливным дождем, а глаза его сияют веселым, бездонным счастьем.

Лунный свет

Приближалась ночь.
«...Молодая рысь дремала последние несколько минут перед темнотой. Наконец стихли все дневные звуки, и мир погрузился в сон. Одновременно началась совсем другая жизнь, малозаметная невооруженному взгляду. Вместе с заухавшими совами и засветившимися в траве насекомыми вышла из своего укрытия и рысь. Вот уже несколько лет подряд она вела жизнь зверя-одиночки.

Еще совсем маленькой она поняла, как противен ей вкус и запах крови. И стала травоядной. Много лет потом ей приходилось это скрывать, но, несмотря на все уловки, сородичи чувствовали, что она не такая, как все, и сторонились ее. Постепенно она привыкла к одиночеству.

Днем рысь обычно дремала в каком-нибудь укрытии, а ночью отправлялась на поиски своей нехитрой еды. Вот и сегодня, едва тьма поглотила лес, она затрусила по цветущей поляне. Нежный аромат увядших цветов щекотал ноздри, свежий ветер ласково жался к бокам. Вдруг рысь остановилась, почувствовала растущее беспокойство. Есть расхотелось. Она взглянула на небо: до полной луны оставалось совсем немного, каких-нибудь один-два дня. В полнолуние что-то непонятное происходило с нею: неведомая сила словно звала куда-то в сладостную даль, заставляя всю ночь бежать к самому горизонту за ускользящим холодным шаром луны в бесконечно безнадежной попытке допрыгнуть до неба. Все время казалось, что вот еще совсем чуть-чуть, — и ее лапы коснутся мягкой серебристой лунной пыли.

... Тогда ей так и не довелось увидеть долгожданный сияющий диск на темнеющем небосводе: сгубила привычка спать днем после утомительных ночных вылазок. Потом рысь даже не смогла точно вспомнить, как все произошло. В памяти всплывали отдельные обрывки: оглуши-

тельный, рвущий слух странный звук, сильный удар чуть пониже шеи, почти мгновенная, выворачивающая суставы судорога в ногах и мир, осыпавшийся жгучим ослепляющим звездопадом перед глазами. Дальше — большой провал, и следующее, что она помнила, было ошущение холодной земли под ногами. Непонятные уродливые звери, которые никогда не встречались прежде, странно махали во все стороны безволосыми передними конечностями и накатывали волнами неведь откуда взявшийся тошнотворный запах крови. Не сразу поняла рысь, что не будет никогда уже родного леса, моря пахучей травы под ногами и бескрайней ночи с манящей луной над головой. Все, что осталось, — крохотный кусочек неба, а в нем маленькая дрожащая звезда и край тонкого месяца — то, что она могла видеть сквозь полосатую стену своей новой норы. Впрочем, в ее жизни теперь все перепуталось: рысь не могла, как прежде, спать днем, — мешал беспрестанный шум от тех странных животных, которых она увидела в минуту своего пробуждения. Они иногда приносили сырое мясо, но она даже не притрагивалась к нему.

Однажды ночью она очнулась от привычной уже тяжелой дремоты из-за тревожного предчувствия. Весь мир вокруг был залит светом: в небе гордо сияла луна. Рысь почувствовала, как просыпается, заталывая все ее существо, знакомая всепоглощающая надежда, безумная вера в чудо, к которому она бежала, не помня себя, всю жизнь. Слово неведомая сила заставила вскопнуть на ноги исхудавшее, обессиленное животное. Ослепленная неистовым желанием нестись куда глаза глядят, она победоносно взвила и принялась что есть силы рыть землю под ногами, не обращая внимания на привлеченный шумом торемщиков. Когда они начали подбираться поближе, рысь подняла глаза. Странные создания шли прямо на нее, держа перед собой какие-то штуковины. И тут в ее голову пришла дикая мысль, противная всему ее существу. Боясь верить в то, что она способна сделать это, рысь взглянула на небо. Да, луна все так же звала ее к себе — огромная, сияющая, неприступная. Не раздумывая ни секунды более, рысь рванулась вперед... Еще ощущая во рту отвратительный, ненавистный привкус крови, почти теряя сознание от жгучей раны в боку, она, безумая, мчалась навстречу манящему серебряному диску. Лапы уже не касались земли, а ноздри щекотал сладкий незнакомый запах звезд, и вот уже теплая лунная пыль баюкала ее в своих нежных объятиях. И только застрявшая в шерсти маленькая колючка напоминала ей о том, что когда-то она бродила по тому далекому голубому шару, который исчезал теперь за сияющим горизонтом...

Даня захлопнула книжку. Давным-давно весь дом спал, и только она с привычным нежеланием отправиться в царство Морфея влезала за чтение. Родители, устав бороться с ее нелепыми, по их словам, притохтами, махнули на дочкины капризы рукой. Только иногда мама, все еще не оставившая надежды понять свое чадо, робко пыталась расспросить Даню, почему у нее нет подружек, что интересного в том, чтобы всю ночь напролет сидеть молча у окна или за очередной книгой.

Как объяснить слепому цвет осеннего неба, первой снежинки, весенней земли? Как рассказать глухому о нежном перезвоне ночных цветов, грустной песне дождливого рассвета, ласковом шепоте распустившихся цветов? Как? Она не знала и поэтому предпочитала молчать. Даня очень любила ночь: ведь именно в это время суток земля может поведать внимательному уху множество своих секретов. А царица сумрак — луна — заставляла чаще биться ее сердце. Может, именно поэтому девочка никогда не спала в полнолуние. Сегодня был один из таких дней: дочитав рассказ, она целиком погрузилась в заоконную лунность. «Эта ночь как-то странно не похожа на все другие, которые я видела раньше. Такое чувство, что должно случиться что-то необыкновенное, хотя... Да нет, это просто книжка произвела на меня такое впечатление», — думала Даня. Но не выдержав и минуты, она соскочила с окна и, ловя внезапно обострившимся слухом мельчайший шорох, тихо переступая на цыпочках, выскользнула из дома в бледно-желтую ночь. «Видела бы меня сейчас мама», — холодным ручейком скользнула по спине мысль. Но озорной ветер уже ласкал ее разгоряченные щеки, прятные запахи ночи кружили голову, а в небе так близко и далеко плыла луна. Дразнила, обещала, сводила с ума. Даня и не заметила, как ноги сами понесли ее куда-то вдаль, сквозь мягкие иголки высокой травы, сквозь плотную пелену дурманящего, пронизанного голубым светом воздуха, сквозь рвущиеся, ранившие кожу сети вчерашнего дня... И ее уже не удивляло, что она бежит, бесшумно касаясь травы мягкими лапами, поросшими пятнистой шерстью...

Коллаж Ирины ЖУРАВЛЕВОЙ.